

На правах рукописи

Спиркина Анастасия Константиновна

**МОЛЧАНИЕ В СИТУАЦИЯХ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.4.1. — Теория, методология и история социологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва 2025 год

Диссертационная работа выполнена в Центре теоретических и историко-социологических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Научный руководитель: Подвойский Денис Глебович
кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

Официальные оппоненты: Островская Елена Александровна
доктор социологических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории социологии,
Факультет социологии, Санкт-Петербургский
государственный университет

Иванова Юлия Михайловна
кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры межкультурной коммуникации и
перевода, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

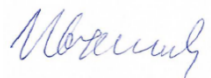
Ведущая организация: Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации (МГИМО МИД России)

Защита диссертации состоится «10» сентября 2025 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.1.244.04 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) по адресу: г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФНИСЦ РАН по адресу: г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5 и на официальном сайте <https://www.fnisc.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

Ивченкова М.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность проблемы исследования. Любой социализированный индивид осознает, что молчание окружающих может иметь много смыслов и значений. Общество оценивает и интерпретирует молчание в зависимости от конкретных обстоятельств, что приводит к его разнообразной регламентации. Молчание, будучи неотъемлемой частью человеческого взаимодействия, может восприниматься как обязательное или неприемлемое, желательное или допустимое, а также как предосудительное, уклончивое, напряженное, странное, тягостное, великодушное, достойное, проявление слабости или силы, глупости или мудрости, в зависимости от социальных контекстов и культурных норм.

Юридически значимое «хранение молчания» может проявляться в различных формах: как право (например, право не давать показания против себя), как обязанность (в судебном процессе) или как мера наказания, когда молчание, часто в сочетании с изоляцией, используется как дисциплинарно-исправительная мера для осужденных¹. Таким образом, молчание других людей не остается без внимания, и поэтому оно подвергается оценке с различных точек зрения в контексте социального взаимодействия.

В большинстве социальных контекстов взрослый человек вынужден исполнять свои роли в соответствии с более или менее заданным сценарием, который регламентирует способы молчания и говорения. Чем больше молчание индивида выходит за рамки уместного, тем сильнее недовольство окружающих и тем более неловко он себя ощущает. В результате, он стремится следовать этим сценариям и ожидать аналогичного поведения от других.

Однако недостаточно лишь указать на возможность получения социальных вознаграждений или лишения привилегий через молчание. Более интересным является разнообразие функций молчания в социальной жизни. С его помощью можно вступать в коммуникацию и покидать её, осуществлять социальные ритуалы, следовать духовному пути, достигать взаимопонимания или вводить в заблуждение; молчание может принимать формы искусства, поэзии, шуток, игры и т.д.

В зависимости от конкретной ситуации и задач исследования молчание может быть функционально и микроструктурно осмысленно как молчание специфического социального контекста (семейное, экспериментальное, педагогическое и т.п.) или как особый эмоционально-психологический инструмент действия, выражение собственной позиции, оказания влияния (провокационное, вызывающее, агрессивное и т.п. молчание). Множественность эмпирических воплощений, отягченная

¹ Молчание в праве (доктрина, практика и техника): монография / под ред. А.С. Гамбаряна. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 91 – 94.

«немногословным характером», делает из молчания феномен принципиально сложный для интерпретации.

Несмотря на растущие процессы «расколдовывания» и рационализации современных обществ, о которых более ста лет назад упоминал М. Вебер, молчание продолжает оставаться «магической» областью жизни, в которой выражается не только мистическое сознание религиозных виртуозов, но и поэтические, фантазмагорические интенции сознания обычного человека. Эта тенденция находит отражение в значительно большей представленности «проблемы молчания» в литературе и философии по сравнению с объемами и глубиной её исследования в рамках эмпирических социально-гуманитарных наук.

Актуальность проблемы исследования обусловлена, таким образом, необходимостью прояснения путей научного, а не метафизического исследования смысла молчания. Мы исходим из допущения, что изучение различных форм молчания на микроуровне как реального наблюдаемого феномена, предпринятое в диссертации, является одним из лучших путей достижения этой цели. Кроме того, настоящее исследование актуально и в методологическом и методическом аспектах. Связано это с необходимостью разработки корректных способов фиксации и анализа исследовательского объекта со столь невыразительным и/или неустойчивым смыслом.

Анализ наблюдаемого молчания как элемента структуры различных ситуаций социального взаимодействия показывает, что молчание может выступать не только своеобразной «репликой» (то есть, использоваться как невербальное выражение вербального смысла), и в этом смысле, безусловно, быть социальным – через обращение этой реплики к Другому, т.е. использования ее для задач коммуникации. Необращенность молчания ни к кому конкретно, видимое отсутствие у молчания некоторого «многозначительного» смысла, сознательно вложенного в него человеком, как показано в настоящей работе, вовсе не означает вместе с тем и отсутствие социальности в акте молчания. Последняя находит свое выражение так же в стабильности и упорядоченности образцов поведения, неизменно понимаемых людьми (в рамках одной и той же ситуации) одинаково и включающих в себя молчание общим, понятным всем участникам ситуации способом.

Степень научной разработанности проблемы. Содержательный анализ молчания в разных его проявлениях можно найти в различных социально-гуманитарных дисциплинах. В психологии (в том числе, в социальной психологии) значительный вклад в развитие тематики молчания в контексте межличностного взаимодействия и эффектов, которые молчание оказывает на психику человека,

внесли Х. Аартс², К.Д. Уильямс³, С.Дж. Бейкер⁴, Р. Вейл⁵ и др. Этнографические исследования феномена молчания проводили Н. Новикова⁶, К. Хайн⁷, К. Кидрон⁸, Э.А. Олаойе⁹, А. Юань¹⁰, Д. Карбо¹¹ и др.

Одним из самых продуктивных направлений изучения и анализа молчания выступают лингвистика и филология, рассматривающие молчание в контексте языка и речи. В указанных дисциплинах молчание исследовалось как коммуникативная стратегия, «нулевой знак» или «реплика» в диалоге. Часто в лингвистике молчание рассматривается с точки зрения его структурной роли и выполняемых в речи функций. Значимый вклад в российские исследования молчания в области лингвистики внесли

² См. напр.: Aarts H., Dijksterhuis A. The silence of the library: Environment, situational norm, and social behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. No. 1. P. 18 – 28.

³ См. напр.: Williams K.D. *Ostracism: the power of silence*. N.Y.: The Guilford press, 2002. 282 p.

⁴ См. напр.: Baker S.J. The theory of silences // *The Journal of General Psychology*. 1955. Vol. 53. No. 1. P. 145 – 167.

⁵ См. напр.: Valle R. Toward a psychology of silence // *The Humanistic Psychologist*. 2019. Vol. 47. No. 3. P. 219 – 261.

⁶ См. напр.: Novikova N. О чем и почему молчат аборигены // *Études finno-ougriennes*. 2015. №. 47. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://journals.openedition.org/efo/5009> (дата обращения: 15.04.2024)

⁷ См. напр.: Hine C. Strategies for Reflexive Ethnography in the Smart Home: Autoethnography of Silence and Emotion // *Sociology*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 22 – 36.

⁸ См. напр.: Kidron C.A. Toward an ethnography of silence: The lived presence of the past in the everyday life of Holocaust trauma survivors and their descendants in Israel // *Current Anthropology*. 2009. Vol. 50. No. 1. P. 5 – 27.

⁹ См. напр.: Olaoye A.A. A Socio-Pragmatic Analysis of Silence in Communication: An Ethnographic Review // *Vejoh-veritas journal of humanities*. 2020. Vol. 1. No. 2. P. 108 – 113.

¹⁰ См. напр.: Yuan A. The performance of silence in early China: The Yanzi Chunqiu and beyond // *Early China*. 2021. Vol. 44. P. 321 – 350.

¹¹ См. напр.: Carbaugh D., Berry M., Nurmikari-Berry M. Coding personhood through cultural terms and practices: Silence and quietude as a finnish «natural way of being» // *Journal of Language and Social Psychology*. 2006. Vol. 25. No. 3. P. 203 – 220.

Н.Д. Арутюнова¹², В.Н. Бабаян¹³, А.Г. Грек¹⁴, М.А. Григорьева¹⁵, Е.Р. Иоанесян¹⁶, Т.Р. Копылова¹⁷, Н.Г. Солодовникова¹⁸, Т.А. Воронцова¹⁹, Е.А. Денисова²⁰, А.Д. Козеренко и Г.Е. Крейдлин²¹, С.Е. Полякова²², Ю.В. Туфанова²³ и др. За рубежом лингвистический подход к молчанию развивали Дж. Билмес²⁴, Д. Курзон²⁵, Дж. Ковальчик²⁶, Дж. Миллс²⁷ и др. Литературоведческий анализ феномена молчания

¹² См. напр.: Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 106 – 117; Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417 – 436.

¹³ См. напр.: Бабаян В.Н. Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная стратегия в диалоге // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 93 – 98; Бабаян В.Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем. Ярославль: Редакционно-издательский центр Международного университета бизнеса и новых технологий, 2008. 290 с.; Бабаян В.Н. Семантика молчания в диалогическом дискурсе // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: Сб. науч. ст. по материалам IV Международной научно-практической конференции, Ярославль, 20–21 мая 2022 года. Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022. С. 323 – 328.

¹⁴ См. напр.: Грек А.Г. О словах со значением речи и молчания в русской духовной традиции // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 117 – 125.

¹⁵ См. напр.: Григорьева М.А. Расщепление коммуникативного поля на шум и молчание: трудности диалога и разобщение // Kant. 2020. Т. 37. № 4. С. 253 – 260.

¹⁶ См. напр.: Иоанесян Е.Р. Семантика молчания и тишины // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. Т. 12. № 1. С. 164 – 186.

¹⁷ См. напр.: Копылова Т.Р. Молчание как термин: проблема многозначности // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015. Т. 25. № 5. С. 7 – 11.

¹⁸ См. напр.: Солодовникова, Н.Г. Эмоциональная поливалентность нулевых знаков в лингвоэкологическом аспекте (на примере слова молчание) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 67 – 80.

¹⁹ См. напр.: Воронцова Т.А., Копылова Т.Р. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) // Филологический класс. 2017. Т. 49. № 3. С. 29 – 33.

²⁰ См. напр.: Денисова Е.А., Липатова Ю.Ю. Коммуникативно-функциональный подход к изучению феномена молчания в пословицах и поговорках (на основе анализа русских, английских и немецких народных изречений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 259 – 263.

²¹ См. напр.: Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Этикетное молчание // Русский язык за рубежом. 2021. Т. 285. № 2. С. 25 – 31.

²² См. напр.: Полякова С.Е. Функции молчания в политическом общении // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 125 – 128.

²³ См. напр.: Туфанова, Ю.В., Маклакова Т.Б., Чупановская М.Н. Функционально-прагматический потенциал молчания в ситуации извинения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2019. № 46. С. 98 – 108.

²⁴ См. напр.: Bilmes J. Constituting silence: life in the world of total meaning // Semiotica. 1994. Vol. 98. No. 1/2. P. 73 – 87.

²⁵ См. напр.: Kurzon D. Discourse of Silence. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 1998. 168 p.

²⁶ См. напр.: Kowalczyk J. Silence as a specific kind of communication in legal discourse // Respectus Philologicus. 2020. Vol. 42. No. 37. P. 104 – 113.

²⁷ См. напр.: Mills J. Talking about silence: Gender and the construction of multilingual identities // International Journal of Bilingualism. 2006. Vol. 10. No. 1. P. 1 – 16.

проводили О.М. Любимская²⁸, В.С. Маковцев²⁹, С.М. Толстая³⁰, С.В. Меликян³¹, Р. Боттигхаймер³² и др.

Религиозное и теологическое значения молчания раскрываются в русской и зарубежной литературе. На русском языке примечательно исследование К.А. Богданова³³, посвященное в том числе широкому анализу молчания в религиозной и мистической традиции. На английском языке религиозное значение молчания также изучается рядом авторов, в особенности в контексте буддизма³⁴ и различных христианских конфессий³⁵.

В философии (в основном, относительно концепций молчания, предложенных М. Хайдеггером³⁶ и Л. Витгенштейном³⁷) молчание рассматривали К.А. Богданов³⁸,

²⁸ См. напр.: Любимская О.М. Пауза как средство невербальной коммуникации в творчестве Дж. Д. Сэлинджера // Филологический класс. 2017. Т. 49. № 3. С. 119 – 123.

²⁹ См. напр.: Маковцев В.С. Феномен молчания в позднем творчестве М.М. Бахтина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 1. С. 358 – 369.

³⁰ См. напр.: Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Изд-во «Индрик», 1999. 336 с.

³¹ См. напр.: Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 177 с.

³² См. напр.: Bottigheimer R.V. Silenced Women in the Grimms' Tales: The «Fit» Between Fairy Tales and Society in Their Historical Context / Fairy Tales and Society: Illusion, Allusion, and Paradigm / ed. by Ruth B. Bottigheimer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. P. 115 – 132.

³³ Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. СПб: РХГИ, 1997. 348 с.

³⁴ См. напр.: Fennell D. Explorations of Silence in the Religious Rituals of Buddhists and Quakers. Religion. 2012. Vol. 42. No. 4. P. 549 – 574.

³⁵ См. напр.: Gehl P.F. Competens silentium: Varieties of monastic silence in the medieval west // Viator. 1987. Vol. 18. P. 125 – 160; Molina-Markham E. Finding the «sense of the meeting»: Decision making through silence among Quakers // Western Journal of Communication. 2014. Vol. 78. No. 2. P. 155 – 174; Munzer S.R. Silence as a Christian Experience and Practice // Studia Monastica. 2020. Vol. 62. P. 253 – 274; Гуляев Д.А. Современные медитативные практики западного христианства – поиск «новой духовности» или возврат к истокам? // Вопросы богословия. 2020. Т. 4. № 2. С. 165 – 188; Стобер М. Размышления о процессах и проблемных аспектах мистической созерцательной медитации / отв. ред. Шохин В.К. // Философия религии: альманах 2014-2015. М.: Наука – Восточная литература, 2015. С. 15 – 42; Hildebrandt, S. When words become too violent: Silence as a form of nonviolent resistance in the Book of Jeremiah // Biblical Interpretation. 2020. Vol. 29. No. 2. P. 187 – 205.

³⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

³⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во АСТ, 2020. 160 с.; Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Изд-во АСТ, 2019. 384 с.

³⁸ Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. СПб: РХГИ, 1997. 348 с.

Я.С. Чернова³⁹, М.Н. Эпштейн⁴⁰, Н.В. Медведев⁴¹, М.В. Логинова⁴², А. Нести⁴³ и др. В педагогических науках исследования молчания проводились О.Ю. Ефимовой⁴⁴, С. Вэнг⁴⁵, Р. Оллин⁴⁶, Р.А. Райтом⁴⁷ и др. Молчание так же имеет особый фокус рассмотрения в юриспруденции⁴⁸, истории⁴⁹ и других дисциплинах⁵⁰.

Таким образом, к теме молчания постоянно обращаются исследователи из разных дисциплин, а сам феномен молчания на сегодняшний день можно считать достаточно подробно исследованным, однако, нужно учитывать, что некоторые (иногда принципиальные) различия в дефиниции самого понятия «молчание» и подходах к его рассмотрению в разных науках порой приводят к слабой релевантности некоторых результатов существующих исследований.

В социологии молчание преимущественно используется как готовая концептуализация⁵¹, а не исследовательский объект, например, как в концепции

³⁹ См. напр.: Чернова Я.С., Талалаева Е.Ю. Онтологическая сущность молчания в философии М. Хайдеггера // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 2. С. 102 – 105.

⁴⁰ См. напр.: Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 559 с.

⁴¹ См. напр.: Медведев Н.В., Федотова Е.Ю. Роль молчания в онтологии языка Витгенштейна и Хайдеггера // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. Т. 42. № 1. С. 199 – 209.

⁴² См. напр.: Логинова М.В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. №4. С. 111 – 117.

⁴³ См. напр.: Nesti A. Silence as Elsewhere // Social Compass. 1995. Vol. 42. No. 4. P. 421 – 431.

⁴⁴ См. напр.: Ефимова О.Ю. Молчание и умолчание учителя в системе профессиональных речевых тактик: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. Новокузнецк, 2005. 290 с.

⁴⁵ См. напр.: Wang S., Moskal M., Schweisfurth M. The social practice of silence in intercultural classrooms at a UK university // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 2022. Vol. 52. No. 4. P. 600 – 617.

⁴⁶ См. напр.: Ollin R. Silent pedagogy and rethinking classroom practice: Structuring teaching through silence rather than talk // Cambridge Journal of Education. 2008. Vol. 38. No. 2. P. 265 – 280.

⁴⁷ См. напр.: Wright R.A. Toward a theoretical conceptualization of «silence in the classroom»: A response to Gimenez // Teaching Sociology. 1989. Vol. 17. No. 2. P. 194 – 196.

⁴⁸ См. напр.: Молчание в праве (доктрина, практика и техника): монография / под ред. А.С. Гамбаряна. М.: Юрлитинформ, 2021. 336 с.

⁴⁹ См. напр.: Корбен А. История тишины от эпохи Возрождения до наших дней. М.: Текст, 2020. 141 с.; Bitton-Ashkelony B. «More Interior than the Lips and the Tongue»: John of Apamea and Silent Prayer in Late Antiquity // Journal of Early Christian Studies. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 303 – 331.

⁵⁰ См. напр. исследование молчания в логике и теории искусственного интеллекта: Baéz A.G., López A.L. A Logical Interpretation of Silence // Computacion y Sistemas. 2020. Vol. 24. No. 2. P. 607 – 617.

⁵¹ См. напр.: Крайнова И.А. Концептуализация «заговора молчания» как аспект исследования социальных рисков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 35 – 45; Qualitative Studies of Silence: The Unsaid as Social Action / Ed. by Murray A.J., Durrheim K. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 310 p.

«спирали молчания» (Э. Ноэль-Нойман)⁵² или «заговора молчания» (Э. Зерубавель)⁵³. Поэтому, можно сказать, что исследовательский подход к изучению реального наблюдаемого молчания остается в основном неразвитым в социологии. Однако, есть некоторые отдельные примеры, выпадающие из этого правила⁵⁴. Например, социально-феноменологический подход, в частности, к коллективным религиозным практикам молчания развивается израильской исследовательницей М. Пагис⁵⁵. Особый взгляд на проблему молчания можно найти в интеракционизме⁵⁶: в качестве ключевых фигур мы выделяем Томаса Шеффа⁵⁷ и Ирвинга Гофмана⁵⁸. Отдельные соображения относительно роли молчания в сохранении и воспроизводстве микросоциального порядка высказывались в этнометодологии⁵⁹ и, в особенности, в конверсационном анализе⁶⁰. Некоторые наработки по проблеме молчания (в том числе, в микросоциологической перспективе) сделаны в т.н. «социологии ничего»⁶¹. Однако, концепция молчания как «видимого и слышимого» элемента

⁵² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. 352 с.

⁵³ Zerubavel E. The elephant in the room: silence and denial in everyday life. NY: Oxford University Press, 2006. 176 p.

⁵⁴ См. напр.: Vu M.C., Fan Z. Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work // Journal of Management Inquiry. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 307 – 325; Christensen H.R. et al. Rooms of silence at three universities in Scandinavia // Sociology of Religion. 2019. Vol. 80. No. 3. P. 299 – 322.

⁵⁵ См., напр.: Pagis M. Evoking equanimity: silent interaction rituals in vipassana meditation retreats // Qualitative sociology. 2015. Vol. 38. No. 1. P. 39 – 56; Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice // Ethnography. 2010. Vol. 11. P. 309 – 328.

⁵⁶ См. напр.: Ehrenhaus P. Silence and symbolic expression // Communication Monographs. 1988. Vol. 55. No. 1. P. 41 – 57.

⁵⁷ См. напр.: Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern // Irish Journal of Sociology. 2006. Vol. 15. P. 24 – 39; Scheff T. Shame in self and society // Symbolic Interaction. 2003. Vol. 26. No. 2. P. 239 – 262.

⁵⁸ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.; Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.; Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017. 381 с.

⁵⁹ См. напр.: Lynch M. Silence in Context: ethnomethodology and social theory // Human Studies. 1999. Vol. 22. P. 211 – 233.

⁶⁰ См. напр.: Carlin A.P. On «owning» silence: Talk, texts, and the «semiotics» of bibliographies // Semiotica. 2003. Vol. 146. No. 1/4. P. 117 – 138; Schegloff E.A. Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 318 p.; Sacks H. Lectures on conversation, Volume 1,2. Malden, Massachusetts: Blackwell, 1992. 1491 p.; Августис Ю.И. Производство порядка в рэп-баттлах: управление паузами и их отсутствием // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 280 – 302.

⁶¹ См. напр.: Scott S. A sociology of nothing: Understanding the unmarked // Sociology. 2018. Vol. 52. No. 1. P. 3 – 19; Scott S. The social life of nothing: Silence, invisibility and emptiness in tales of lost experience. NY, Oxford: Routledge, 2019. 208 p.; Stanley S., Smith R.J., Ford E., Jones J. Making something out of nothing: Breaching everyday life by standing still in a public place // Sociological Review. 2020. Vol. 68. No. 6. P. 1250 – 1272.

микросоциальной структуры ситуаций повседневного взаимодействия все еще остается неоформленной в социологии.

Объект диссертационного исследования – молчание как модус социального взаимодействия, наблюдаемого в конкретных ситуациях повседневности. Социальное взаимодействие в рамках данной работы понимается в микросоциологическом ключе, то есть, как наблюдаемое поведение участников ситуации при условии их личного сопребывания⁶².

Предмет – функции молчания как элемента структуры ситуаций повседневного взаимодействия в воспроизводстве социального порядка.

Цель исследования – концептуализация молчания как конструктивного элемента социального порядка и структуры ситуации непосредственного социального взаимодействия.

Для реализации цели исследования в работе решены следующие **задачи**:

- 1) Уточнены теоретико-методологические основания концептуализации молчания и методические возможности ее эмпирического изучения;
- 2) Проиллюстрированы эвристические возможности предложенной концепции на материале нескольких кейсов молчания в различных ситуациях;
- 3) Предложена социологическая интерпретация «религиозно-мотивированного» молчания, детской игры «молчанка», различных типов «диалогового» молчания, практики медитации и светского ритуала «минуты молчания»;
- 4) На основании проведенных автором, а также уже существующих, эмпирических исследований молчания, выявлена и проанализирована микроструктурная роль молчания в указанных типах социального взаимодействия.

Теоретико-методологические основания диссертации. Диссертационная работа опирается на концептуальный аппарат социологии повседневности. Последняя представлена в работе концепциями феноменологической социологии А. Шюца, драматургической социологии и фрейм-анализа И. Гофмана и этнометодологическим подходом, включающим в себя как, собственно, этнометодологию Г. Гарфинкеля, так и разговорный анализ, родоначальниками которого считаются Х. Сакс и Э. Щеглофф. Данный выбор обосновывается высокой приспособленностью указанного комплекса теорий к анализу наблюдаемого и «звучащего» молчания как реального феномена, данного в непосредственном опыте человека. С помощью данной методологии развивается микроструктурный подход к анализу различных ситуаций, включающих молчание. Таким образом, теоретико-методологическая основа диссертации в широком смысле объединена качественной парадигмой исследования.

⁶² См.: Ковалёв А.Д. Социальное взаимодействие [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2022. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-vzaimodeistvie-66b3c7> (дата обращения: 10.01.2025).

В данной работе «структура» понимается как внутренняя упорядоченность, организованность некоторого объекта, которым в данном исследовании выступает ситуация взаимодействия / интеракции на микроуровне социальной жизни. Ситуация же понимается как конкретно-эмпирическая вариация наблюдаемых условий и взаимодействующих акторов, ограниченная во времени и пространстве. Таким образом, проблематичным, нуждающимся в раскрытии, выявлении, обнаружении, в данном исследовании является именно структура ситуации как упорядоченный, повторяемый аспект эмпирически вариативного объекта. В настоящей работе мы опираемся в основном на идеи и концепции И. Гофмана. Понимание «ситуации» так же заимствовано из гофмановской методологии, которая будет подробно рассмотрена в параграфе 1.2.2. Ключевое понятие социологии И. Гофмана «фрейм» используется им «и как синоним «ситуации», и как синоним «определения ситуации»»⁶³. Таким образом, обозначение ситуации обычно выражается или может быть выражено номинативной единицей.

Эмпирическая база исследования. Диссертационное исследование опирается на несколько типов данных. В соответствии с задачами исследования, эмпирическая база исследования составлена с помощью применения качественной стратегии к анализу ситуаций молчания. Во-первых, использовано несистематическое и включенное наблюдение для сбора данных о ходе протекания детской игры «молчанка» (несистематическое) и молчаливого взаимодействия в рамках медитативного ретрита (неформализованное включенное наблюдение). Во-вторых, для выявления структуризации монашеской жизни и похоронной минуты молчания был проведен анализ источников, описывающих указанные практики (католические уставы и интернет-страницы ритуальных агентств соответственно). В-третьих, для расширения объективного представления о структуре ситуации в зонах, которые могли быть упущены исследователем непосредственно, использовались интервью с некоторыми участниками медитативного курса, а также свободные (экспертные) интервью с представителями похоронных агентств. В-четвертых, был собран и проанализирован корпус аудиозаписей, обработанных в концептуальных рамках разговорного анализа. Кроме того, к исследованию всех пяти кейсов был привлечен анализ вторичных данных, описанных в научной литературе.

Научная новизна диссертационного исследования определяется поставленными в работе исследовательскими задачами и заключается в следующих положениях:

1. Предложена социологическая концептуализация наблюдаемого молчания как элемента структуры ситуации социального взаимодействия на микроуровне, а

⁶³ Вахштайн В.С.* *Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 106.*

* *Вахштайн В.С. внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.*

также проанализированы методические возможности его эмпирического исследования.

2. Продемонстрирован эвристический потенциал применения социологии повседневности и качественного методологического подхода в исследовании наблюдаемого молчания, в том числе на российском эмпирическом материале, и апробированы релевантные методы его исследования, такие как включенное и невключенное наблюдение, конверсационный анализ, анализ документов и отдельные виды интервью.

3. Выявлены и проанализированы роли и функции молчания в следующих ситуациях социального взаимодействия на микроуровне: funerальная «минута молчания», коллективная молчаливая медитация, ряд ситуаций монашеской жизни, детская игра «молчанка» и паузы в повседневном диалоге.

4. В российский социологический дискурс введены трактовки практики медитации випассана, детской игры «молчанки» и funerальной минуты молчания как новых исследовательских объектов и как исследовательских объектов социологии повседневности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Подход к исследованию молчания, разработанный в рамках диссертационной работы, представляет собой альтернативу пониманию молчания как феномена по своей природе «асоциального», разрушающего коммуникацию и разобщающего людей. Молчание может выполнять как объединяющую, так и разобщающую функцию, в зависимости от контекста и структуры той конкретной ситуации, в которой люди его используют, и той роли, которую ему отводят. На основании проведенного исследования, направленного в основном на анализ конструктивных (а не деструктивных) форм молчания, мы можем утверждать, что молчание имеет огромный социализирующий и солидаризирующий потенциал.

2. Наблюдаемое молчание, имеющее место в разных типах социального взаимодействия, в большей или меньшей степени регламентируется обществом и, в особенности, локальными (микросоциальными) структурами конкретных ситуаций взаимодействия. Эта регламентация носит одновременно внешний, принудительный, нормативный и, с другой стороны, интерактивный, гибкий, интересубъективный характер. Последняя из указанных форм поддержания социального порядка выражается в конкретных способах упорядочивания молчаливых взаимодействий.

3. В практике медитации випассана сохранение молчания («неговорение») как с помощью слов, так и через жесты, знаки и записки), выступает как институциональное нормативное требование, сопровождающее все пребывание на курсе и вынуждающее участников («студентов») сосуществовать и взаимодействовать в условиях данного запрета. Кроме того, молчание на випассане выступает в качестве «тренировочной зоны» для сосредоточения на задачах медитации. Таким образом,

функции молчания относительно совокупности ситуаций, включенных в молчаливый медитативный ретрит, сводятся к двум составляющим – молчание как «внешнее» требование и молчание как тренировочная зона, «фон» для практики-тренировки.

4. Молчание в ситуации гражданской панихиды, рассмотренное в данной работе в основном в виде т.н. «минуты молчания» в траурном зале, представляет собой неотъемлемую часть социального ритуала (перехода) или «драматического действия». Минута молчания на панихиде включена в относительно строго определенную последовательность коллективных действий (сценария) в рамках данной ситуации, направленной на переход живого человека в мертвого.

5. Повседневный диалог имеет наиболее динамичную структуру из рассмотренных кейсов, где функция молчания меняется вслед за определением ситуации и характером разговора. Паузы в диалоге различаются по их структурной роли в разговоре. «Структурные зоны молчания» в диалоге, инициированные, в первую очередь, порядком очередности, создают несколько функционально-различных пауз: 1) пауза как «релевантное место перехода» (передача очереди говорить), 2) пауза как место коррекции реплики / заминка внутри реплики, 3) пауза как «ответ» в адыцентной паре.

6. Молчание как игровая задача, позволяющая победить, определена внутренней структурой самой игры – «молчанки». «Молчанка» состоит из произнесения «молчального стишка», игрового молчания, в котором участники обычно стараются рассмешить или заставить другого заговорить, и разрядки и общего смеха после нарушения молчания одним из игроков. Молчание как игровая задача, во-первых, создает напряжение («затишье») перед эмоциональным финалом, а во-вторых, испытывает эмоциональный самоконтроль ребенка.

7. Функции молчания в религиозном контексте определены базовым различием, используемым как исследователями, так и практиками – различием «внешнего» и «внутреннего». Молчание является маркером сразу обоих типов социального контроля: выражением подчинения уставу монастыря (молчание как элемент послушания) и интернализированным личным стремлением к духовной работе. «Внутреннее» молчание иерархически выше (важнее и сложнее) «внешнего», в то время как второе является базой для первого. Мы можем отметить, что характер использования молчания в практике медитации випассана и молчания в монастыре частично пересекаются.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования расширяют и уточняют возможности использования социологических теорий повседневности для анализа микроструктуры ситуации, а также предлагают теоретико-методологический инструментарий для социологической интерпретации феноменов с широкой смысловой / инструментальной вариативностью и «эмпирической неопределенностью», которым

в настоящем исследовании выступил феномен молчания. Настоящее исследование может выступать основой других исследований феномена молчания в социальных и гуманитарных науках.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в качестве теоретического и иллюстративного материала для учебных курсов по социологической теории, методологии и методам социологических исследований, социологии повседневности. Материалы исследования могут использоваться при составлении программ социологических исследований повседневности и / или взаимодействий, включающих в себя молчание.

Апробация результатов. Основные идеи и результаты диссертационного исследования изложены автором в 7 научных публикациях общим объемом 7,7 а.л. (авторский вклад – 7 а.л.), в том числе в 5 статьях в журналах, входящих в список ВАК. Материалы исследования обсуждались на международных и российских конференциях, в том числе на Междисциплинарной научной конференции «20-е Пирровы чтения. «Умолчание: интерпретация культурных кодов»» (Саратов, СГУ и саратовский Художественный музей им. А.Н. Радищева, 2022), I научно-практической конференции «Академические чтения ГАУГН. Молодежь – науке» (Москва, ГАУГН, 2023), IV Всероссийской конференции «Социальные изменения и стабильность в предметном поле социологии: от эмпирических исследований к теоретической рефлексии» (Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2023), Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», Институт социологии РАН, Институт философии РАН, Институт психологии РАН, Москва, 2024).

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав (восьми параграфов), заключения и списка литературы из 203 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость, характеризуется степень разработанности проблемы исследования, формулируются его объект, предмет, цель, задачи и научная новизна.

В **первой главе «Теоретико-методологические аспекты исследования молчания в ситуациях»** представлена теоретико-методологическая концепция молчания как элемента структуры повседневных ситуаций взаимодействия, включающая в себя: 1) обоснование общеметодологического и общетеоретического подхода к исследованию молчания в социологии, 2) возможности и эвристический потенциал социологических теорий повседневности в подобном исследовании и 3)

обсуждение методических возможностей в рамках данной концепции. Очерчиваются рамки молчания как исследовательского объекта не воображаемого, а «осязаемого» мира.

Первый параграф посвящен «Общетеоретическим основам социологического изучения молчания в ситуациях».

В данном разделе диссертационной работы предпринимается попытка определения и демаркации предметного поля исследования. В первую очередь проясняется «молчание» как слово естественного языка, наделенное сематической вариативностью. В целях преодоления того теоретического напряжения, которое создает «бесконечность» смыслов и культурных образов молчания проводится демаркационная линия между «буквальным» и «метафорическим» пониманием «молчания», которая отсутствует в ясном виде как в естественном языке, так и в большом количестве научной и философской литературы о молчании. «Буквальное» молчание представляет собой потенциально или актуально «видимое и слышимое» молчание человека (людей); «метафорическое» молчание используется в языке, но не связано по своему смыслу с наблюдаемым молчанием, то есть, употребляется в переносном значении. Последнее может пониматься как избегание в речи какой-то определенной темы, «молчание» надындивидуальных социальных существ (например, «молчание русского народа»), неживых или, в принципе, неговорящих акторов, в том числе божественное или «природное» молчание и т.д. Область настоящего исследования ограничена только молчанием, понятым в буквальном своем значении.

Решению задачи социологической концептуализации обозначенной совокупности значений «молчания» в рамках настоящего исследования способствовало представление о наблюдаемом молчании как об элементе структуры ситуации повседневного взаимодействия. В поисках социальности в акте молчания мы, разумеется, попытаемся ответить на вопрос о том, как оно участвует в (вос)производстве социальных связей. С одной стороны, связь может быть показана через понятия «коммуникации» и/или «социального действия». Работа с молчанием в таком случае потенциально возможна (хотя и затруднительна) даже в отсутствие слов, так как требует только экспликации (пред)полагаемого человеком смысла, вложенного в знаковое выражение. С другой стороны, социальная связь может быть показана как соединение элементов практического рутинного «исполнения» молчания (разных форм), где нужна лишь возможность посмотреть и описать «как это делается». В обоих случаях молчание интересно не само по себе, но как правилосообразное, институционально и/или ситуационно определенное действие. Молчание как элемент структуры ситуации повседневного взаимодействия, в отличие от «молчания-реплики», не обязательно должно что-то кому-то сообщать (быть «о

чем-то»), но должно соотноситься со смыслом, вложенным человеком и обществом (через типизированные ситуации) в конкретное молчание.

Так как ведущей для нас является концепция «ситуации», или «определения ситуации», состоящая, согласно избранной нами методологии, из объективных и субъективных компонентов, то и определение молчания не может обойтись ни без первого, ни без второго. Таким образом, интересующим нас в настоящей работе объектом исследования является молчание как отсутствие воспроизводимой человеком звучащей речи и (одновременно) как элемент ситуации, определенный ее участниками как «молчание» (отсутствие речи, иногда – речевая пауза).

Во *втором параграфе «Социологические теории повседневности как инструмент исследования молчания в ситуациях»* обосновывается эвристический потенциал применения концептуального аппарата социологии повседневности для работы с наблюдаемым молчанием и анализа его структурной роли в ситуациях повседневного взаимодействия. Социология молчания использует два принципиально различных понимания своего предмета. Первое направление рассматривает молчание как «замалчивание», результат действия подавляющих режимов, лишаящих одну часть общества голоса (бедных, женщин, черных и т.д.) и дающих слово другой, прочерчивая линию социальной иерархии. Второй же подход подчеркивает, что молчание может быть осмысленной конститутивной средой социального действия, значимым элементом, составляющим и поддерживающим множество социальных практик. Исследование молчания как элемента конструктивных социальных практик в диссертации проводится с помощью концептуального аппарата социологии повседневности.

Социологические теории повседневности представлены в работе концепциями феноменологической социологии А. Шюца, драматургической социологии и фрейм-анализа И. Гофмана, этнометодологическим подходом Г. Гарфинкеля, а также конверсационным анализом (Х. Сакс и Э. Щеглофф). Социология повседневности позволяет увидеть в актуальном взаимодействии здесь-и-сейчас слои, части и элементы (среди которых обнаруживается и молчание, «берущее» на себя какую-то структурную задачу), вместе создающие целостную смысловую картину ситуации. В диссертации такая совокупность взаимосвязанных элементов ситуации называется ее «*микроструктурой*». Данный термин употребляется в работе только в качестве обозначения упорядоченности, нехаотичности социальных взаимодействий на микроуровне (которые могут быть довольно гибкими) в сознании самих же акторов, а не в качестве их привязки к жестким внеиндивидуальным структурам⁶⁴.

⁶⁴ В рамках «социологии случаев» «тема социальной организации остается ведущей, но это особая организация соединения людей при непосредственных контактах и вырастающие из него кратковременные события взаимодействия. Речь идет о некоей нормативно устойчивой структуре, “общественном собрании”, но это подвижное образование, неизбежно недолговечное, возникающее при появлении действующих лиц и

Третий параграф рассматривает основные *«Методы социологического исследования молчания в ситуациях»*. В данном разделе работы обосновывается релевантность качественной стратегии исследования в изучении наблюдаемого молчания, анализируется познавательный потенциал включенного и невключенного наблюдения, неструктурированного и полуструктурированного интервью, анализа документов и конверсационного анализа в социологическом исследовании молчания. Наблюдение, основанное на понимании смысла, является ключевым исследовательским методом. Оно работает со структурой ситуации непосредственно, не влияя на её (вос)производство. Методы интервью и анализа документов являются дополнительными, но зачастую необходимыми, в связи с недостаточным доступом к непосредственному наблюдению у исследователя, а также для ограничения исследовательского субъективизма и дополнения информации, получаемой только через личное участие. Методы конверсационного анализа и этнометодологического эксперимента так же оказываются весьма ценными при решении указанных исследовательских задач, однако, имеют более специфичные функции. Конверсационный анализ ориентирован на работу со слышимым и наблюдаемым молчанием, создание аудио- (видео-)записи и транскрипта, показывающего структурное расположение молчания и пауз. Удобство использования данного метода ограничивается анализом относительно непродолжительного взаимодействия, например, повседневного разговора. Эксперимент же воздействует на ситуацию, преобразует её, зато позволяет таким образом найти объективные и субъективные зоны ситуации, где молчание или его отсутствие являются значимыми элементами ситуации.

Во второй главе *«Эмпирические возможности социологического изучения молчания в ситуациях»* молчание рассматривается как выступающее в каждом эмпирическом случае его бытования в особом качестве и выполняющее определенную функцию в микросоциальной структуре конкретного социального взаимодействия. Рассмотренная в первой главе теоретико-методологическая концепция молчания разрабатывается и развивается на конкретном эмпирическом материале, представленном в работе совокупностью пяти исследовательских кейсов: коллективная медитация Випассана, социальный ритуал «минуты молчания», паузы и заминки в ситуации повседневного диалога, детская игра «молчанка» и регламентация молчания в религиозном (в основном, католическом) контексте. Такие принципиально разные (как по содержанию, так и по той роли, которую они выполняют в структурах указанных взаимодействий) «случаи» были выбраны с целью разметить как можно большую область того типа молчания, которое было выделено в качестве объекта настоящего исследования в первой главе. А потому, для

умирающее при их уходе» (Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. С. 14).

концептуальной «разметки» всей совокупности молчания мы можем считать выбранные «точки» неким показательным примером определенного типа ситуаций молчания.

Первый параграф раскрывает *«Роль молчания в практике медитации Випассаны»*. Данный раздел диссертации посвящен молчанию как важнейшей составляющей курса Випассаны (техники медитации из раннего буддизма), как ее преподают по всему миру в традиции С.Н. Гоенки. Принятое как институциональное правило, молчание является условием успешного прохождения медитативного ретрита. Хотя медитативное молчание, на первый взгляд, не образует социальности, курсы випассаны (совершенно неслучайно) – практика коллективная. Желание людей даже после окончания обучения собираться и медитировать вместе говорит о потребности не в «уединенной» тишине, а в группе, производящей особый феномен коллективного молчания. Рассмотрены ключевые механизмы производства социальности в различных ситуациях совместного вынужденного молчания, возникающих на курсе випассаны – от собственно коллективной медитации в общем зале до молчаливой организации совместного быта в центре медитации. В практике коллективной медитации, где (несмотря на ежедневные лекции околобуддийского содержания) почти полностью отсутствует религиозная мотивация, молчание стало (1) простым запретом на речь, в который люди, приехавшие в центр медитации, стремились встроить собственные действия «повседневного плана бытия», и (2) «тренировочной зоной» сосредоточения на задачах медитации. Молчаливое соприсутствие людей было рассмотрено как особая интерактивная ситуация, в которой люди реагируют и ориентируются друг на друга даже в ситуации индивидуальной внутренней работы. Субъективная успешность данного взаимодействия и способы его воспроизводства связаны с техническими и пространственными условиями медитационного центра. В микросоциологическом смысле коллективное молчание становится интерсубъективным опытом, рождающим у медитаторов чувство общности и создающим ту особую «атмосферу», которая конструирует успешную практику. Частично воспроизводя ключевые социальные условия центра дома после окончания курса – тишину и поддержку окружающих людей, – медитирующим удается поддерживать непрерывность практики и успешно встраивать ее в свою повседневную жизнь за пределами медитационного центра.

Во **втором параграфе** *«Конструирование социальности в практике «молчания у гроба»»* анализируется роль молчания в ситуации гражданской панихиды. Особенности похоронных практик современной России во многом обусловлены столкновением традиционной православной культуры и советской – интернациональной и внеконфессиональной – идеологии. Похороны в современной России представляют собой смесь этих двух культурных компонентов в вариативных пропорциях. То, какой ритуал будет проведен в конкретном случае, зависит от

множества причин: от объективных условий (доступности крематория, степени развития сферы ритуальных услуг в городе, обстоятельств и типа смерти) до состава участников ритуала, их связей между собой и представлений о «правильных» похоронах. Молчание в ситуации гражданской панихиды, рассмотренное в данной работе в основном в виде т.н. «минуты молчания» в траурном зале, представляет собой неотъемлемую часть социального ритуала (перехода) или «драматического действия». Оно носит регламентированный характер и имеет высокую степень пространственно-временной определенности. Рамки ситуации, и, следовательно, границы молчания и говорения, задаются самим ходом (сценарием) события, который по указанным выше причинам не является стандартизированным, и организатором и ведущим которого является церемониймейстер. В работе было показано действие двух механизмов воспроизводства социального порядка – фреймирования и интересубъективности социального опыта – не только в ситуации гражданской панихиды в целом, но и в самом протекании «минуты молчания». При этом происходит деление пространства и времени на «внутреннее» и «внешнее» по отношению к событию, формирование адекватного уровня вовлеченности в зависимости от собственной роли (ключевые и периферийные «скорбящие», технический персонал, и исключенные участники – например, дети) и количества человек, участвующих в мероприятии в определенных пространственно-временных рамках. Кроме того, может происходить наложение различных смысловых структур в рамках одного мероприятия, когда, например, похороны популярного в обществе человека фактически становятся политическим митингом.

Третий параграф «Значение молчания в структуре повседневного диалога» содержит анализ структурной роли пауз и заминок в разговоре. Повседневный диалог – наиболее динамичная из представленных в работе структура, которая моментально может быть трансформирована в рассказ истории, шутку или иронию, пародирование кого-либо, обман и т.п. Значение молчания в диалоге следует за той схемой интерпретации, которые принимают участники. Тем не менее, высказывания в повседневном разговоре (как и паузы) подчиняются для участников логике здравого смысла, основанного на рациональных объяснениях и практической необходимости, а для социолога – «внешнему» контексту и внутренней структуре ситуации. Анализируются эвристические возможности «коммуникативного» подхода, в котором молчание выступает как реплика в диалоге, осмысленная коммуникативная стратегия, как альтернатива развиваемому в работе «микроструктурному» подходу.

В данном разделе диссертации рассматривается, кроме того, проблема использования конверсационного анализа для исследования роли молчания и пауз в повседневном диалоге. Согласно проведенному исследованию, молчание и паузы внутри разговора более или менее регламентированы по длине и местоположению в структуре диалога (в зависимости от типа диалоговой коммуникации), а также

сопровождающим их невербальным сигналам. Эта «регламентация» предстает в работе в виде практик по построению локальной социальной структуры и техник воспроизводства, восстановления, объяснения и интерпретации взаимных действий. В связи с этим, паузы в диалоге, исследованные в работе методом конверсационного анализа, различаются по их структурной роли в разговоре и по рациональным объяснениям, которые им дают рядовые участники и наблюдатели на основе их практического использования и здравого смысла. Выделяются «структурные зоны молчания» в диалоге, инициированные, в первую очередь, порядком очередности, где паузы могут появляться как «место перехода» (передачи слова) или в качестве заминки внутри реплики, и, кроме того, наличием в диалоге смежных (адъяцентных) пар – связанных пар реплик, где после произнесения одной, требуется вторая (например, как в паре «вопрос-ответ»). Молчание в данном случае может восприниматься не как пауза перед второй частью пары, а как непосредственно «ответ». Понимание значения конкретного молчания участниками зависит от того, в каком месте разговора молчание возникло – с учетом логики, грамматики и интонации окружающей паузу речи.

В четвертом параграфе «*Молчание как игровая деятельность*» исследуются особенности изучения игры в социологии повседневности, а также раскрывается структура микросоциального взаимодействия, которую формирует детская игра «молчанка» и то место, которое в ней занимает молчание. «Молчанка» была рассмотрена на микроуровне социальной жизни как игровая ситуация (а молчание в ней – как игровая задача), существующая в определенных пространственно-временных рамках и структурирующая взаимодействие при помощи формальных (те, которые проговариваются) и неформальных (наблюдаемые способы игры, усваивающиеся в игровом опыте) правил игры. В молчанке четко определяется социальный аспект занятия, активное взаимодействие играющих. Молчание одного игрока теряет свой смысл и закончится ровно в тот момент, когда его оппонент проиграет.

«Молчанка» состоит из произнесения «молчального стишка» (структуру стишка составляет зачин, условия игры – указание на то, что нужно молчать – и завершение, которое фиксирует момент начала игры), игрового молчания, во время которого игроки пытаются рассмешить друг друга или заставить кого-то заговорить. Игра завершается, когда один из участников нарушает молчание, что приводит к общему смеху и разрядке. Молчание в этой игре выполняет две, на первый взгляд, противоположные функции: (1) создает напряжение («затишье») перед эмоциональным финалом, (2) испытывает эмоциональный самоконтроль ребенка. Особое внимание было уделено отношениям игры и повседневной реальности, иначе говоря, вопросу «встраивания» игры в непрерывный поток социальных интеракций участвующих в игре акторов и наблюдающих ее индивидов путем «наслоения»

(фреймирования), переключения между «регионами опыта» или рутинной деятельности участников по сохранению социального порядка. Определяется пространственный и смысловой контекст, в котором молчанка как спонтанный коллективный акт может возникать, ограничения в количестве и возрасте участников. Показаны механизмы выхода из игры отдельных участников.

Завершающий *пятый параграф «Религиозно-мотивированное молчание»* анализирует молчание в религиозном контексте. Исследовательский фокус на реальном, наблюдаемом молчании приводит к рассмотрению монашеской жизни, как самого яркого примера сопричастной концентрации «религиозно-действующих» субъектов. Рассматриваются особенности «религиозного» молчания как исследовательского объекта и проблемы, возникающие в подобном исследовании. Молчание в религиозном контексте отличается от других форм социально-значимого молчания высокой рефлексивностью, смысловой нагруженностью (благодаря проповедям и соответствующей литературе) и относительной закрытостью для исследования наблюдаемого молчания ввиду обособленности монастырей от мира. В связи с этим в работе использовались методы анализа релевантных документов (монашеских уставов) и вторичные данные качественных исследований монастырской жизни. С теоретической точки зрения «монашеское» молчание было рассмотрено (исключая особые ритуальные случаи, требующие строгой тишины) как «двойная рамка»: повседневные действия в контексте «религиозности». Базовым различием, используемым исследователями и, главное, самими практиками, стало различие «внешнего» и «внутреннего», где молчание является маркером сразу обоих этих типов социального контроля: выражением подчинения уставу монастыря и интернализированным личным стремлением к духовной работе. Достижение «внутреннего» безмолвия является целью всех ограничений речи, прописанных в уставе или действующих в монастыре негласно. Несмотря на потребность в уединенном общении с Богом, монахи чаще всего живут не в одиночку, а образуют сообщество. В организации подобного «молчаливого» общежития разделение «внешних» ограничений и «внутренней» работы играет особую роль. Молчание вместе с «уходом от мира», отказом от общества и от общения, является для монаха социализирующим, так как укрепляет и ускоряет процесс религиозного перехода. Включаясь в монашескую жизнь как элемент *послушания*, молчание становится одновременно и способом социализации, и результатом закрепления индивида в монашеском сообществе.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования и сделаны выводы, а также намечены направления и предложены гипотезы для дальнейших исследований в данном предметном поле.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в научных изданиях, отнесенных к категориям К-1, К-2 из Перечня рецензируемых научных изданий (с шифром 5.4.1), в научных изданиях, индексируемых базой данных RSCI или международными базами данных, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Подвойский, Д.Г., Спиркина, А.К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. — 2022. — № 6. — С. 125 – 135. (1,11 / 0,78 а.л.)
2. Спиркина, А.К. Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) // Вестник РУДН: Серия Социология. — 2023. — Т. 23. — № 2. — С. 389 – 403. (1,16 а.л.)
3. Спиркина, А.К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. — 2023. — № 7. — С. 84 – 92. (0,85 а.л.)
4. Спиркина, А.К. Социологические теории повседневности как инструмент исследования практик молчания // Социологические исследования. — 2024. — № 6. — С. 133 – 143. (1,06 а.л.)
5. Спиркина, А.К. Религиозно-мотивированное молчание: возможности социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 181 – 207. (1,67 а.л.)

Публикации в иных научных изданиях:

6. Спиркина, А.К. Конструирование социальности в практике «молчания у гроба» // Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина. — Саратов: ИЦ «Наука», 2023. — С. 244 – 257. (1 а.л.)
7. Подвойский, Д.Г., Спиркина, А.К. Цветок на лугу, или как коллективное прорастает в индивидуальном (к социологическому портрету общества модерна) // Проблемы теоретической социологии. Вып. 13/14: межвуз. сб. / отв. ред. А.О. Бороноев, Д.В. Иванов. — СПб.: Скифия-Принт, 2024. — С. 320-334. (0,87 а.л.)